

ИЗ ИСТОРИИ НАИМЕНОВАНИЙ КОЖНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI – XVIII ВВ.

Мунтян О. О.

Київський національний лінгвістичний університет

У статті ми розглядаємо лексеми *короста*, *чесотка*, *свороб*, *лишай* та похідні від них, які функціонують у російській мові XVII – XVIII ст., у семасіологічному, функціональному і дериваційному аспектах.

Ключові слова: термін, терміноване словосполучення, лексема, семантика, семантичний процес, семантична структура, синонім.

В статье мы рассматриваем лексемы *короста*, *чесотка*, *свороб*, *лишай* и их производные, которые функционируют в русском языке XVII – XVIII вв., в семасиологическом, функциональном и деривационном аспектах.

Ключевые слова: термин, терминологическое словосочетание, лексема, семантика, семантический процесс, семантическая структура, синоним.

In the article we view the lexemes “*короста*”, “*чесотка*”, “*свороб*”, “*лишай*” and its derivatives, which function in the Russian language of XVII – XVIII cc., in semasiological, functional and derivational aspects.

Keywords: term, technical collocation, lexeme, semantics, semantic process, semantic structure, synonym.

Короста. Слово *короста* восходит к общеславянскому **korsta* “короста, струп”. Существует несколько вариантов этимологии данного слова. Авторы “Этимологического словаря славянских языков” считают, что оно восходит к существительному **kora* [1, с. 93 – 95], М. Фасмер, А. Преображенский, Е. Вернекер и авторы “Этимологичного словника української мови” – от и.-е. **kes-* “чесать, рубать”, основа которого усложнена интерфиксом *-r-* [17, т. II, с. 335; 7, т. I, с. 360; 20, с. 270; 19, т. III, с. 41]. Н. М. Шанский рассматривает слово как отглагольное производное с суффиксом *-t(a)*, которое родственно лит. *karsiu, karsiau, karsu* “чесать (шерсть)”, лат. *karst* – “чесать (шерсть)”, др.-инд. *kasati* “чесать, дряпать” [19, т. II, в. 8, с. 49; 18, с. 213].

В письменных памятниках периода Киевской Руси лексема *короста* функционировала в двух фонетических вариантах – церковнославянском *кроста* и в древнерусском *короста*, причем лексема *короста* в источниках письменности исследуемого периода наблюдается реже, чем *кроста* [9, т. IV, с. 269, с. 288]. Церковнославянизм *кроста* появился в результате метатезы и в языке XI – XV вв. употреблялся в значении “короста, язва, струпья, сыпь на коже”: *И наведоу на вы отъчаяние, кросту же и блиѣдость опухаюшю* [Изб. 1076 г., 102 об.]; *Не тако пагоба погоубл(я)еть и кроста растылитъ. Обаетѣвѣша* [так!] *яко же лютыхъ моужь злоба* [ПНЧ XIV, 21а]; *и приста(влю) къ вамъ недоумѣнье. кросту же и вѣшецѣ изъѣдаюци очи ваши. и дшю вашу таюшю. и взописте* [Там же]; *кросты имущая овца. и недуга полныи не подобаетъ съдравыми вѣдваряти. но изгнати о(т) стада. донде же нодугъ о(т)ложать* [Там же]; *И приста(влю) на вы неимѣние и раны и кросты* [Библ. Генн. 1499 г.]. В результате лексико-семантической деривации существительное *кроста* развивает переносное значение “духовная язва, ересь”, с которым оно употребляется в религиозной литературе.

Полногласная форма *короста* в указанный период характеризует живой древнерусский язык и в письменных источниках документируется в значении “короста, гнойные струпья, сыпь, болячки на коже”: *полести мыться о стѣи никола пожалуи избави коросты сея* [Шест. XIV, 84 об.]; *Коростами лютыми* [11, в. 7, с. 342].

Начинаючи з XVI століття лексема *короста* закріплюється в мові, витісняючи старослов'янський *кроста*. В формі єдиного числа вона позначала конкретне захворювання – чесотку: *Да поразит тя господь раною египетскою во афедронѣхъ и коростою лютою* [11, в. 7, с. 342]; *А достальные четыре олени гсдрвы померли в прошлом де во 145-м году осен<ь>ю повѣтрѣем и коростою и кожь с них не снимали и мяса их не ели* [Якут. а., карт. 2, № 1, сст. 2. 1635 г.], в формі множественного числа – “струпя, чешуйка”: *Пиеничная мука с патокою или с мѣдом смѣшаная коросты на лице лечит* [Назиратель, 474. XVI в.]; *А коли тѣмъ сѣменемъ потрешь коросты или гд? волосы опадут зѣло на то пособляет с медомъ приложеное* [Там же, 517].

В XVIII столітті данна лексема термінологізується і використовується в спеціальній медичній літературі з семантикою “чесотка”: *От коросты* [МДЛ, с. 35]; *На коросту конску и товарищу* [Там же, с. 28]; *У кого на тѣлѣ короста* [Там же, с. 30]; *О коросте же коя бывает на головахъ отроческихъ* [Там же, с. 184]; *на розніе коросты по головахъ* [ЛЮ, с. 24]; *Въ коростахъ застарѣлыхъ бани руские могут быть великою помощію* [Простонар. леч., с. 80]; *Дружное и усильственное сгонение коросты соединено для дѣтей съ великою опасностію* [Сельск. леч., 1394]; *о коростѣ* [Дом. леч., т. III, с. 223]; *[женщина] заразилась коростою* [Там же]; *Короста показывается въ видѣ маленькихъ водяныхъ прыщиковъ или пупырышковъ* [Там же, с. 224]; *Короста есть болѣзнь, которая пристаётъ черезъ прикосновение къ человеку ее имѣющему* [Тиссо, с. 24]. В этот же период лексема *короста* в медичній літературі з'являється паралельно з лексемою *чесотка*, що свідчить про те, що вони функціонували як абсолютні синоніми, являлись термінами-дублетами: *Короста или чесотка есть наружная болѣзнь* [Сельск. леч., с. 1391]; *О коросте или чесотке* [Тиссо, с. 24]. Згідно з прикметними *сухой, собачий, мокрый*, іменник *короста* утворює терміновані словосполучення, позначаючи різновидність одного кожного захворювання – “чесотки”: *Сей видъ коросты называется сухою коростою, чесоткою или собачьею коростою* [Дом. леч., т. III, с. 224]; *Мокрая короста свербитъ* [Там же].

“Словарь церковнославянского и русского языка” фіксує лексему *короста* з значенням “болячки, являющиеся на поверхности кожи и производящая сильный зуд; чесотка” [14, т. II, с. 206]. Це свідчить про те, що данна лексема використовується в літературній мові XVIII століття.

В мові початкового періоду формування російської нації також фіксуються похідні від іменника *короста* – прикметні *коростовой, коростовавый, коростоватый*, які використовуються з загальною семантикою “покривлений коростою”: *Во всякихъ здоровыхъ стадахъ коростовыя овцы живутъ* [Учен. ратн. строения, 33 об. 1647 г.]; *Вѣдайте и знайте: аще не обратитесь и не покаетесь и отъ губителей и враговъ... не отстанете, то быти вамъ... яко коростовавыя овцы отъ здороваго Христова стада... отсечени и отделени* [Евфр. Отразит. пис., 92. 1691 г.]; *Уды... коростоваты* [Травник Любч., 391. XVII в. ~ 1534 г.]. Прикметне *коростоватый* могло використовуватися в функції іменника з значенням “поражений болістю, залишає струпя, опинки, чешуйки”: *Их же [ересей] не точію не внимати подобаетъ, но и гнушатися всею душею и отглучатися ихъ, аки коростоватыхъ и прокаженныхъ* [11, в. 7, с. 342].

Лексема *короста*, її варіант *кроста* і похідні від неї – прикметне *короставый*, дієслово *коростовать* і *коростеть* – “получать коросту, то есть заболеть чесоткою” – фіксуються “Словарем Академии Российской” [8, т. III, с. 322]. З значеннями “гноїні струпя на шкірі при чесотці” і “налет, отпечаток каких-нибудь дурныхъ влияний или привычек (неодобр.)” данна лексема фіксується “Толковым словарем русского языка” під ред. Д. Н. Ушакова [16, т. I, с. 1473]. В першому, прямому, значенні іменник *короста* використовується з семантикою “слої, корка бруди на шкірі”, яке позначається пометами “областне”, “розмовне”. Лексема *короставый* з'являється з пометою “областне”.

В языке периода развития русской нации у слова *короста* происходят изменения в семантике. В XVIII веке у слова *короста* в значении “кожная болезнь” появляется синоним *чесотка*, постепенно вытесняющее в этом значении название *короста*, которое остается в русском литературном языке для обозначения симптомов болезни. В. И. Даль в “Толковом словаре живого великорусского языка” приводит исследуемую лексему в значении “чесотка”: снабжает его пометой “южное”, уточняя, что коростой называют сливную или сплошную чесотку [5, т. II, с. 139].

Как медицинский термин лексема *короста*, развивая новое значение “наименование болезни, при которой образуются прыщи и струпья на губах и возле носа; трещины на руках и ногах от холодной и сырой погоды” [10, в. 14, с. 336], сохраняется и широко употребляется в языке русских говоров.

Исследуемая лексема, кроме русского, встречается и функционирует почти во всех славянских языках: болг. *краса* ж. р. “чесотка, Scabies”, также диал. *краса*, *красъ* ж. р., макед. *краса* ж. р. “чесотка; парша”, диал. *краса* “болезнь скота”, *krasta*, мн. ч. *krasti*, сербохорв. *krāsta* ж. р. “короста, струпья”, “оспа”, “проказа”, “ряска, зелень на стоячей воде”, также диал. *kāstpa*, *krāsta*, словен. *krasta* ж. р. “струп, короста”, ст.-чеш. *krasty* “парша”, чеш. *chrast* ж. р. “парша”, “струп”, *chrasty* “чесотка”, диал. *chrasta* “чесотка”, *chrast* “болячка”, *chrasty* мн. ч., *chrasti* мн. ч. “чесотка”, словц. *chrasta* ж. р. “струп”, “короста”, диал. *krasta*, *xrasta* ж. р., ст.-польск. *krosta* ж. р. “короста, болезненная сыпь на коже”, польск. *krosta*, диал. *chrosta* ж. р. “сыпь”, “короста”, *krosta* “костра, отделяющаяся при чистке конопля”, словин. *krosta* ж. р. “сыпь”, “короста”, укр. *короста* ж. р. “чесотка”, диал. *короста* “кострика”, *корост* м. р. “корни и пр. на поле”, ст.-блр. *короста*, блр. *кароста* ж. р. “короста”, “чесотка”, также диал. *кароста* “короста”, “кострика”, “ряска” [2, т. II, с. 159; 17, т. II, с. 335; 6, т. III, с. 41].

Чесотка. Для обозначения понятия “инфекционное заболевание кожи, вызывающее сыпь в виде мелких пузырьков и сильный зуд” в русском языке используется специальный термин *чесотка*, образованный с помощью суффикса *-отк(а)*, которое впервые зафиксировано нами в рукописном лечебнике XVII века северорусского происхождения, где оно поясняется заимствованным из латинского языка термином *шкабиоза*: “Чесотку или шкабиозу ползуеть...” [ЛО, с. 193].

В исследуемый нами период данная лексема была малораспространенной: она редко встречается в лечебниках, не регистрируется словарями. В лечебниках конца XVIII века термин *чесотка* начинает функционировать параллельно с термином *короста*: Короста или чесотка есть наружная болезнь [Сельск. леч., с. 1391]; Сей вид коросты называется... чесоткою [Дом. леч., т. III, с. 224]; О чесоткѣ или коростѣ [Детск. леч., т. II, с. 212]. Специальная литература свидетельствует о том, что эти слова употреблялись как абсолютные синонимы: О коросте или чесотке [Тиссо, с. 24]; чесотка или короста иная бывает недавняя [Детск. леч., т. II, с. 212]. Именно с этого периода существительное *чесотка* начинает вытеснять существительное *короста* из литературного словоупотребления, закрепляясь в языке как термин, обозначающий кожное заболевание, что подтверждают следующие иллюстрации, приведенные нами из печатных лечебников XVIII века: О чесоткѣ [Карм. леч., с. 209]; ежели чесотка свѣжа и новая..., тогда такую чесотку можно вылѣчить скоро и свободно [ДЛ, 1765, с. 158]; чесотка есть выступление изъ тѣла водяныхъ пупырышковъ [Детск. леч., т. II, с. 212]. Существительное *чесотка* могло согласоваться с прилагательными *сухой*, *гнойный*, образуя терминологические словосочетания, которые обозначают разновидности болезни: Чесотка бывает двоякая: сухая и гнойная [Там же]; Сухая чесотка... причиняет весьма великий зудъ или свербежь [Там же]. В украинском и белорусском языке лексема *короста* сохраняется для обозначения заразного заболевания, способного поражать сыпью и гнойными струпами значительные по объему участки кожи людей и животных [4, т. II, с. 287].

В лексикографических источниках исследуемого периода лексема *чесотка* фиксируется с семантикой “заразительная, постоянным зудом сопровождаемая сыпь, выступающая по всему тѣлу, особенно же между пальцами рукъ” [14, т. IV, с. 433].

Термин *чесотка* употребляется в современном русском литературном языке в значении “заразная кожная болезнь, вызываемая проникновением чесоточного клеща в кожу человека или животного и проявляющаяся в виде пузырьковой сыпи и сильного зуда” [13, т. IV, с. 671].

Своробъ // свербежь // свербячка // свербота. Появление синонимов *короста, чесотка – свороб, свербежь, свербячка* [4, т. IV, с. 105, с. 479] обусловлено исторически.

Памятники письменности XVII – XVIII вв. фиксируют группу существительных, которые восходят к псл. корню **zъrb-* [20, с. 536; 17, т. III, с. 573]: *своробъ, свербежь, свербячка, свербота*. Все эти лексемы употребляются с семантикой “зуд”, “чесотка”.

В древнерусском языке, как свидетельствуют “Материалы для словаря древнерусского языка” И. И. Срезневского, термин *своробъ* и его фонетический вариант *сврабъ* были представлены преимущественно в памятниках переводного характера, имеющих, как правило, церковное содержание, в частности, в Книге Второзакония по рукописи Троице-Сергиевской лавры XV в., в Златоструе Чудовского монастыря XVI в., в Четвях минеях XV в. [15, т. III, с. 277 – 278].

Памятники письменности XV – XVI вв. фиксируют лексему *сврабъ (сьврабъ)* в значениях “зуд, свербение”: *Болисти обишедши и обьдрѣжащи все тѣло его различными страстьми, огонь бо быс(ть) ему бес престани и съврабъ нестерпимыи* [11, в. 23, с. 197], “кожное заболевание, проявляющееся в виде сыпи и сильного зуда”: *И побьет тя ісь вредомъ египетскимъ в лонѣ, крастами лютыми и сврабомъ, яко не мощно щѣлѣти* [Палея Толк., 24 об. 1477 г.]. В этот же период в языке функционирует производное от *сврабъ* – прилагательное *сврабный*, которое выражает семантику “связанный с зудом, свербением”: *Яко не семена точию и сочива, но и въ зѣлиши есть не мало, яко не по внѣшней точию славѣ на кроткое обуздание и на кормлю воздержнику по единому строятся, но плоти въ глубинѣ разябающе, сврабныя копысы творять* [11, в. 23, с. 197]. Лексема *свороб* в памятниках периода русской народности употребляется в значении “кожное раздражение; зуд, чесотка”: *На самого же недугъ лютъ нападе своробъ, яко во единъ струпъ слиаяся* [Там же].

В лечебниках XVII – XVIII вв. существительные *своробъ* и *сврабъ* не встречаются. Это свидетельствует о том, что данные существительные не употребляются в языке начального периода формирования русской нации.

В языке исследуемого нами периода для обозначения “зуда” передается не зафиксированными в ранних памятниках письменности терминами-дублетами *свербежь, свербота, свербячка*.

Слово *свербежь*, образованное от глагола *свербѣти* с помощью суффикса *-еж*, употребляется в специальной литературе со значением “зуд; ощущение болезненно-щекочущего раздражения кожи, вызывающее нестерпимое желание чесать раздраженное место”: *Егда члкъ всплотѣть промежь мяса тѣлеснаго и кожи и от того заключения потнаго явится свербежь и тоска нутряная* [Травник Любч., 218. XVII в. ~ 1534 г.]; *А составъ отъ свербежу, письмо, его рука, и списываль у лекаря у Артемьева* [Д. Иос. Колум., 75. 1675 г.]; *Лукъ толченьной разведенъ уксусом помогателен от свербежа и каросты телесныя* [Леч. II, гл. 25. XVIII в. ~ XVII – XVIII вв.]; *И то велми вычисти мокроту нутреную, от неи родится короста и свербеж и прыщи* [Леч. VIII, 193, с. 182]; *О сухой коросте иже бывает с великим свербижем* [Леч. VIII, 193, с. 184]; *свербежь проходит, какъ скоро тотъ человекъ пуститъ себѣ кровь обыкновенную, или рожечную* [Сельск. леч., 1038]; *какъ зудъ, или свербежь дѣлается отъ всякихъ причинъ* [Сельск. леч., 1037]. Оно, по свидетельству Н. А. Богоявленского, наблюдается и в рукописи “Сказание о пропущении вод” – медицинском памятнике, оригиналом для которого послужила книга немецкого автора Иеронима Брауншвейского “Das New Distilier Büch” (Strasburg, 1537) [1, с. 72 – 82]. В лечебниках встречается суффиксальное производное от *свербежь* – прилагательное *свербежсватый*, которое

употребляется в значении “имеющий свойство зудеть, чесаться”: *Та же вода вельми пользует коростовым и свербежсватым – кой человек имеет в себе кровь нечисту и тело у него бывает, яки у прокаженного человека* [11, в. 23, с. 109]. Данная лексема фиксируется “Словарем церковнославянского и русского языка” в значении “зуд”, что свидетельствует о том, что ее употребление становится нормой русского литературного языка XVIII века.

Существительное *свербота*, образованное от основы глагола *свербѣти* с помощью суффикса *-от(а)*, употребляется с тем же значением, что и *свербежь*: *Саки собачьи с селитрою смешаны, угри и сверботы изгоняет* [Леч. II, гл. 68. XVIII в. ~ XVII – XVIII вв.].

Лексема *сверблячка*, образованная от прилагательного *свербячий* с помощью суффикса *-ьк(а)*, в языке XVII – XVIII вв. является синонимом слова *свербежь*: *Морков<ь> такоже<е> уздравить у кого сверблячки, истолки с серой* [Леч. II, гл. 68. XVIII в. ~ XVII – XVIII вв.]; *Масть на сверблячку человекѣку* [МДЛ, с. 28].

Соотносимый с исследуемыми лексемами глагол *свербѣти* функционирует в письменности рассматриваемого периода в значении “зудеть, чесаться”: *О приточной болезни. Лице на ком притча станеть тело красно да свербитъ да осока идеть мокро да от часу прибывати начнетъ, возми олховой коры не добре стара была, истолчь да просеи ситомъ, темъ посыпли* [Леч. II, гл. 120. XVIII в. ~ XVII – XVIII вв.].

Лишай. Особым видом кожной болезни являлась болезнь, обозначавшаяся словом общеславянского происхождения, – *лишай*. Очевидно, лексема *лишай* в древности обозначало тяжелое инфекционное заболевание кожи, которое считалось бедой (в древнерусском языке *лихо*). Большинство этимологов говорят о том, что слово *лишай* образованно от общеславянской основы **лихъ* с помощью суффикса **-ѣь > -ѣи* (в результате первой палатализации после *ѣх* переходит в *ш*, после *ш ѣ > а*), оно в настоящее время прослеживается во всех славянских языках (ср. русск. *лишай*, укр. *лишай*, блр. *лішай*, болг. *лишай*, сербохорв. *лйшай*, словен. *lišāj*, чеш. *lišej*, польск. *liszaj*) [17, т. II, с. 506; 18, с. 243; 20, с. 200; 21, т. IV, с. 289-290; 6, т. III, с. 254].

Данный термин отмечается И. И. Срезневским в Левите по списку XIV века, причем оно приводится как дефиниция к слову *короста*, и функционирует по памятникам письменности параллельно с ним: *Короста дивьяя или лишаи* [15, т. II, с. 34]; *ни короставо, ни лишаи имуща* [Там же]; *Лишаиво... или короставо* [Там же].

Существительное *лишай* в значении “кожная болезнь вообще, лишай” впервые фиксируется в памятнике письменности, датированном 1499 г.: *Члкъ на нем же сут<ь>... лишаи... да не приступит принести трѣбъ гу своему* (Лев. XXI, 20) [Библ. Генн. 1499 г.]. Установить специфику кожного заболевания, обозначаемого лексемой *лишай*, не представляется возможным.

Семантическая база слова *лишай* является по существу неопределенной и в письменных источниках XVII – XVIII вв. Из собранного нами иллюстративного материала можно сделать следующие выводы. Во-первых, сохранилась традиция (с XI в.) пояснения термина *лишай* дублетом *короста*: *retigo, nis лиша(й), кра(с)та* [ЛС, с. 313]; *А лѣтера, показуе жилу на челѣ, з(ъ) которой масишь оупустити кр(о)ви, коли тобѣ ви(д)а(л)бо лице осяде(т), короста а(л)бо лиша(и)* [Наука, 40]. Соотношение слов *лишай* и *короста* с одним понятием четко прослеживается в старочешском (стчеш. *lišej* датируется впервые 1417 г. [24, т. II, с. 25]) и старопольским (старопол. *liszajec* впервые фиксируется в 1455 г. [23, т. IV, с. 58]). Ср. современное польск. *liszajec* коростяную сыпь на коже [25, т. II, с. 751; 22, т. II, с. 40]. Во-вторых, сочетание существительных *лишай*, *облива* и *струпь* (один раз встречается выражение *струпь на головѣ*) доказывает то, что лексема *лишай* используется для обозначения как собственно заболевание кожи – то же, что *пархи*: *На струпи по головѣ, на лишай* [Карт Тимч. XVIII в.], так и для обозначения одного из дерматозов – *струпов* (*imretigo, лиша(й), струпь* [ЛС, с. 227]) или даже сплошной сыпи: *Сочевица, то(л)чена в муку и смешана с уксуомъ, и то прикладаемъ к... обливеѣ и к лишае(м)* [Карт. Тимч. XVII в.].

Следует отметить, что не представляется возможным конкретизировать понятие, обозначаемое лексемой *лишай*, даже в текстах специальных медицинских памятников письменности XVII – первой половины XVIII вв.: *горчицѣ бѣлоу... помазovati на лишай* [МДЛ, с. 32]; *на лишай: кашу варить с пиона* [Там же, с. 38]; *На лишай. Когда ягла вары(т)ся в(ъ) горшку, бива на ню(й) пѣна бѣла, тою шмаруй лишай(й) часто со(й)детъ* [ЛЮ, с. 60]; *Зрана натцо слиною палець посмаровавши, бери тѣм(ъ) па(ль)цемъ попель и шмаруй лишай* [Там же]; *На лишай. Слиною натцою часто натура(т), и гибѣе лишай(й)* [Там же, с. 85]; *...вскорости изгинетъ лишай* [Там же, 56]; *Та трава лишай из лица выведетъ* [Травник Любч., 180. XVII в. ~ 1534 г.]; *Помазуемъ лишец* [11, в. 8, с. 549]; *Григорья Степанова были на лицѣ лишья и тѣ лишья бываютъ на многихъ людехъ* [Мат. медиц., 940. 1677 г.].

Со второй половины XVIII века понятие, обозначаемое лексемой *лишай*, конкретизируется в лечебниках и, согласуясь с прилагательными *летучий, просообразный, сухой, чешуйчатый, мучной, протачивающий* и *живой*, образует устойчивые терминированные словосочетания, обозначающие разновидности болезни, названной исследуемым термином: *Лишайми называется собрание великаго множества маленькихъ свербучихъ пупырышковъ* [Дом. леч., т. III, с. 232]; *Признаки лишаяевъ летучихъ или летучаго огня* [Там же]; *Второй видъ лишаяев, называемой просообразнымъ* [Там же]; *И потому-то лишай называется сухимъ чешуйчатымъ* [Там же]; *извѣстный под именемъ лишаяевъ мучныхъ* [Там же]; *Четвертой, называемой протачивающими или живыми лишаями, потому что оные протачиваютъ раны* [Там же].

В лексикографических источниках, фиксирующих лексическую систему периода становления русского национального языка, лексеме *лишай* даются следующие определения: “пятно с сыпью, выступающее по поверхности кожи от остроты соков” [14, т. II, с. 259], “накожная болезнь, род местной сыпи, с резким очертанием. Накожный лишай бывает: сухой, мокрый, гнойный, зудкий, терпкий и пр.” [5, т. II, с. 663]. Эти определения свидетельствуют о том, что уже в XVIII веке данная лексема терминологизируется и обслуживает язык медицины.

В современном русском литературном языке слово *лишай* функционирует в составе ряда кожных заболеваний: *стригущий лишай, чешуйчатый лишай* [13, т. II, с. 192]. Исследуемая лексема встречается в современных русских говорах в семантике “гнойный струп на голове” [10, в. 17, с. 90].

Литература

1. Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI – XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины / Н. А. Богоявленский. – М., 1960. – 326 с.
2. Горяев Н. В. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка / Н. В. Горяев. – Тифлис, 1892. – III, 256, XXVI с.
3. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка / Н. В. Горяев. – Тифлис, 1986. – 451, LXII с.
4. Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка / Б. Д. Гринченко. – Киев, 1907. – Т. 1 – 4.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Даль. – М.: Рус. яз., 1989 – 1991. – Т. 1 – 4.
6. Етимологічний словник української мови: В 7-ми т. – К., 1982 – 1989. – Т. 1 – 3.
7. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М.: Изд-во ин. и нац. слов., 1959. – Т. 1 – 2.
8. Словарь академии Российской по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806 – 1822. – Ч. I – IV.
9. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10 т. / [гл. ред. Р.И. Аванесов.]. – М.: Рус. яз., 1988 – 1991. – Т. 1 – 4.
10. Словарь русских народных говоров / [под ред. Ф.П. Филина.]. – М., Л., 1965 – 1991. – В. 1 – 26.

11. Словарь русского языка XI – XVII вв. / [гл. ред. Д.Н. Шмелев.]. – М. : Наука, 1975 – 2002. – Вып. 1 – 26.
12. Словарь русского языка XVIII века / [гл. ред. Ю.С. Сорокин.]. – Л. : Наука, Ленингр. Отд., 1984 – 1991. – Вып. 1 – 7.
13. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1948 – 1965.
14. Словарь церковнославянского и русского языка. – СПб., 1847. – Ч. 1 – 4.
15. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский. – СПб., 1893 – 1912. – Т. 1 – 3.
16. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / [под ред. Д.Н. Ушакова.]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1934 – 1940. – Т. 1 – 4.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер; [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева.]. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986 – 1987. – Т. 1 – 4.
18. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: [пособие для учителей] / [Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова.]. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
19. Этимологический словарь русского языка / [авт. состав. Н. М. Шанский.]. – М. : Изд. Москов. ун-та, 1963 – 1982. – Т. I – II, Вып. 1 – 8.
20. Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. – Amor, Heidelberg, 1903 – 1913.
21. Słowski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Kraków, 1952 – 1965.
22. Słownik języka polskiego. – Warszawa, 1958 – 1962. – Т. 1 – 8.
23. Słownik staropolski. – Wrocław etc., 1953 – 1997. – Т. 1 – 11.
24. Gebauer J. Slovník staročeský. – Praha, 1960 – 1967. – Т. 1 – 8.
25. Słownik języka polskiego, ułożony pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedzwiedzkiego. – Warszawa, 1900 – 1927. – Т. 1 – 8.

Источники письменности и их условные сокращения

- Библ. Генн.** – Книга ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия. – Рукоп. ГИМ, Син., № 915.
- Евфр. отразит. пис.** – Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 г. / Сообщ. Х. Лопарева. – СПб., 1895.
- Детск. леч.** – Детский лечебник. Сочинение славного монпельского врача, в пользу детей написанное / [перевод с латинского Ф. И. Барсука-Моисеева.]. – М., Тип. А. Решетникова, 1793. – Ч. 1 – 2.
- Д. Иос. Колом.** – Титова А. А. Иосиф, архиепископ Коломенский (Дело о нем 1675 – 1676 гг.) // Чт. ОИДР. – 1911. – Кн. 3, Отд. 1.
- ДЛ** – Пекен Христиан. Домашний лечебник или Простый способ лечения... – Изд. 2-е. – СПб. : Изд. при Имп. Акад. наук, 1766.
- Дом. леч.** – Бьюкен Уильям. Полный и всеобщий домашний лечебник... – М., Универ. тип., у В. Окорокова, 1790 – 1792. – Т. 1 – 5.
- Изб. 1076** – Изборник 1076 г. / [изд. подгот. В. С. Гольштенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянова, Г. Ф. Нефедов.]. – М., 1965.
- Карман. леч.** – Эллиот Джон. Карманный лечебник... – СПб. : Изд. при Имп. Акад. наук, 1790.
- Карт. Тимч.** – Тимченко С. Картотека “Историчного словника українського языка”. – Хранится в Институте украиноведения им. И. Крипьякевича НАН Украины (г. Львов).
- Леч. II** – Лечебник к. XVII в. – н. XVIII в. – Рукоп. Пушкинского дома, собр. В.Н. Перетца, № 217.

Леч. VIII, 193 – Лечебник. Рукопись XVII века на 444 листах в четверку, написанная севернорусской скорописью. Переплет – бумажный. Хранится в ЦНБ АН Украины под шифром VIII, 193.

ЛО – Лѣкарства описа(нѣ)ніе бѣ(з) мѣ(ди)ка в дому всякъ поратоваться можетъ // Лікарські та господарські порадики XVIII ст. / [підгот. до вид. В. А. Передрієнко]. – Київ: АН УРСР, 1984. – С. 17 – 91.

ЛС – Є. Славинецький. Лексикон латинський // “Лексикон латинський” Є. Славинецького. “Лексикон словенолатинський” Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / [підгот. до вид. В.В. Німчук]. – Київ, 1973.

Мат. медиц. – Материалы для истории медицины в России. – СПб., 1881 – 1885. – Вып. 1 – 4.

МДЛ – Малорусские домашние лечебники XVIII в. // Киевская старина, 1890, январь – март.

Назиратель – Назиратель / [под ред. С. И. Коткова.]. – М., 1973.

Наука – Наука о вчасномъ и потребномъ кровѣ пушанню / [погот. к печати И. П. Чепига] // Мовознавство. – 1993. – № 6. – С. 40 – 44.

Палея Толк. – Толковая Палея 1477 г. Воспроизведение синодальной рукописи № 210. – СПб., 1892. – Вып. 2.

ПНЧ XIV – Пандекты Никона Черногорца, XIV в. – Рукоп. ГИМ, Чуд., № 16.

Простонарод. леч. – Простонародный лечебник... – М. : Тип губерн. у А. Решетникова, 1801.

Сельск. леч. – Сельский лечебник. – М. : Тип. Пономарева, 1804.

Тиссо – Тиссо С. А. Наставление народу в рассуждении его здоровья, сочиненное г. Тиссотом, доктором и профессором медицины... / [с французского на русский язык перевел ... Николай Озерцовский]. – СПб. : Изд. при Имп. Акад. Наук, 1781. – 548 с.

Травник Любч. – Сия книга глаголемая Травник, изложена бысть врачевания ради людскаго от мудрых риторей врачей / [пер. с нем. яз. Немчина Николая Любчанина, 1534 г.]. – Рук. ГИМ, Увар. № 387.

Учен. ратн. строения – Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. – М., 1647.

Шестоднев Г. Пизиды – Шляпкин И. А. Шестоднев Георгия Пизиды в славяно-русском переводе 1385 г. – СПб., 1882.

Якут. а. – Акты Якутской воеводской избы 1639 – 1647 гг. – Хранятся в ЛОИИ, ф. 160, оп. 1.